

Методологические проблемы психологии невербального самопредставления в историческом контексте

В. И. Екинцев

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.023

Интерес к исследованию невербальной коммуникации проявляется не только в психологии общения, но и в различных областях науки, не имеющих возможности непосредственного наблюдения динамики невербальной коммуникации: истории (М. Блок), археологии (А. Д. Столяр), искусствоведении (В. Пасквинелли) и др. Данный интерес объясняется той фундаментальной ролью, которую играет невербальная коммуникация в становлении сознания, речи, искусства.

Фактически существуют два подхода к изучению становления сознания и речи. Первый, естественнонаучный, представлен в области зоопсихологии как попытка моделирования возникновения языка и интеллекта через обучение обезьян языку жестов, решение ими задач, изучение их коммуникации. Второй подход — психоисторический: интерпретация и анализ многообразных исторических данных. Оба подхода спорны с точки зрения обоснованности и надежности получаемых данных. В этой связи уместно замечание В. Вундта: «Существуют психические явления, которые недоступны эксперименту, но иногда там, где отказывает лабораторный эксперимент, за нас экспериментирует история» (цит. по: Кликс, 1983, с. 6). Археологические данные, предметы искусства, письменные источники позволяют исследователям интерпретировать особенности невербальной коммуникации, которые понимаются как продукт социальных и культурных условий, открывающих путь к познанию возникновения сознания и речи, особенностей менталитета.

Несмотря на сложность использования исторического материала для интерпретации, психоисторический анализ невербальной коммуникации имеет давнюю традицию, которая связана с попытками формирования теории выразительных движений и объяснения возникновения речи. Роль невербальной коммуникации хорошо понимал Э. Б. Тейлор, который первые три главы своего труда «Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации» по-

святил рассмотрению жестов (Тейлор, 1881). Ч. Дарвин акцентировал внимание на подражании у человека и особенно, по его наблюдениям, «у дикарей» (Дарвин, 1953). Поэтому он считал, что речь обязана своим происхождением подражанию естественным звукам, голосам других животных и собственным инстинктивным крикам человека, при которых вспомогательную роль играли знаки и жесты.

В. Вундт предложил гипотезу «ручных жестов». Согласно ей выражение аффекта переходит в выражение мысли, простейшей формой которой является язык жестов (Вундт, 1912). Гипотеза языка жестов позднее поддерживалась многими известными учеными: Л. Леви-Брюлем, Н. Я. Марром и др. Ее слабым звеном является непонимание места жестов в общей системе пантомимики человека, поскольку гипотеза «ручных жестов» предполагает существование языка жестов еще до развития речи.

Считается, что предметное сознание в антропогенезе тесно связано с синкретичной «натуральной пантомимой», которая являлась коллективным действием, вырабатывавшим «предметно-изобразительный код социального общения и наследования» (Столяр, 1985, с. 267). Данный код был необходим для создания обобщений и генезиса речи, для эмоционального выражения, для работы механизма социального опыта. Существование «натуральной пантомимы» подтвердилось следующими данными:

- археологическими: артефакты (мустье) в пещере Базау, комплексы первобытного творчества Ла-Мадлен, Ласко, Альтамира, Трюк-д'Одубер, Пеш-Мерль, Монтеспанье и др., антропоморфные «пляшущие» изображения в пещерах Ле-Труа-Фрер и Габийю;
- этнографическими наблюдениями пантомимы у первобытных народов: на ритуальных праздниках, у шаманов, в процессе бытовой коммуникации;
- психологическими данными об историческом формировании восприятия, мышления, происхождении языка, представленными в трудах А. Р. Лурии, М. Коула, С. Скрибнера, Дж. Брунера, Ф. Кликса, А. Кендона и др.

«Натуральная пантомима» открыла материальную запись внутренней формы (представления) через символический труд (первобытное творчество), который имитировал охоту и связывался с тушей зверя или ее натуральными атрибутами. В ранних формах коммуникации человека «натуральная пантомима» была стержнем, который синкретично объединял все виды его самовыражения, в том числе из-

образительные («первобытное искусство» – наскальные изображения животных, объектов охоты, и скульптурные женские фигуры). Феномен синкретичной «натуральной пантомимы» демонстрирует генезис функционального базиса речи в палеолите. «Натуральная пантомима» представляла собой исторически первую форму презентации, в которой не дифференцированы форма и содержание, а образ предмета не существует без действия с ним. Остатками этой формы являются подражательные, обрядовые народные танцы-пантомимы и вся танцевальная культура на всем историческом развитии.

«Натуральная пантомима» резко отличается по уровню выразительной активности от изобразительных жестов и жестов-эмблем. Это вызвано тем, что как в антропо-, так и в онтогенезе пантомимика изначально выступает как элемент практической деятельности и появляется раньше речи. Жест играет важную роль в становлении знаковости, в формировании семиотической функции сознания в период дословесной коммуникации.

От «натуральной пантомимы» идет развитие других форм невербальной и вербальной коммуникации человека: с возникновением речевой деятельности на смену ей приходят изобразительные движения, которые, в свою очередь, могут уступать место символическим жестам, сформированным на основе развитой понятийной системы.

Первобытная коммуникация в отечественной психологии рассматривается как более сложное явление, чем просто «язык жестов», как полиморфная, синкретичная коммуникация с участием выразительных движений и звуков. Данная традиция берет свое начало в исследованиях В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева и др. Л. С. Выготский отмечал, что история развития указательного жеста играет чрезвычайно важную роль в развитии речи ребенка и является вообще значительной древней основой всех высших форм поведения; что языки жестов и слов не были изолированы друг от друга, а представляли сложную форму, объединяющую жесты и слова (Выготский, 1993, с. 102). Признавая полисемантизм первых слов в общем единстве жеста, звука и ситуации, С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев выделяли значительную роль жестов.

В процессе развития в антропогенезе происходит дифференцирование знаковой формы. На уровне образной презентации жесты приобретают форму изобразительных движений, которые носят пояснительный, схематичный характер. Символическая презентация предполагает, что жесты приобретают форму условных знаков. Символический жест может быть эквивалентен нескольким словам, име-

ет очень конкретное значение, требует меньше времени для выражения, часто употребляется там, где употребление речи невозможно.

Важную роль невербальная коммуникация играет в становлении знаковости, в формировании сознания в период до словесной коммуникации, когда жест неотделим от ситуации. С развитием речи невербальная коммуникация стала обслуживать другую систему, включилась в связь с развитыми формами сознания, деятельности личности. Жест стал играть роль не отражения ситуации, а выражения смысла, ценностей, ценностно-смысловой позиции личности (оценки ситуации, ее деталей, себя и готовности действовать в ней), т. е. жест перестал быть простой проекцией ситуации, естественной, ситуативной пантомимой, танцем.

В области сценического искусства С. М. Волконским были выделены жесты иллюстративные и жесты отношений, введен термин «психологический жест» (Чехов, 1945). М. А. Чеховым показано, что пантомима относится к жесту как общее к частному. «Кинестетическое чувство» А. Я. Таирова, «зеркальце» В. Э. Мейерхольда, «ощущение порождающей активности» М. М. Бахтина предвосхитили открытие А. В. Запорожцем, М. И. Лисиной, В. П. Зинченко, Н. Д. Гордеевым, Б. Д. Элькониным, Д. Б. Элькониным «экранирования» в психологии.

В. Е. Ключко показал, что коммуникация входит в структуру самоорганизации и ментального пространства личности, выражающего динамичность отношений человека и их направленность к действительности (Ключко, 2005). Включая исторические символы в коммуникацию, человек превращает культуру в картину, в образ мира, в свой жизненный мир.

Человек, обладающий развитыми формами сознания, строит систему представлений о ситуации, о мире в целом, о своем месте в нем, стремится найти смысл своего существования. Характер взаимодействия с познаваемым объектом изменяется благодаря использованию знаков, становится универсальным средством создания смысловой структуры, ее оформления и преобразования. Проблема исследования жестов человека имеет общепсихологическое значение, так как жест являлся основой общепсихологических теорий и учений (В. Вундт, В. М. Бехтерев, К. Бюлер, Л. С. Выготский, В. Е. Ключко и др.). Невербальная коммуникация, в особенности жесты, могут изучаться в онтогенетическом, психоисторическом и историко-научном планах.

Таким образом, с развитием речи невербальная коммуникация стала обслуживать другую систему, включилась в связь с развитыми

формами сознания, деятельности личности. Жест стал играть роль не отражения ситуации, а выражения смысла, ценностей, ценностно-смысловой позиции личности, т. е. перестал быть простой проекцией ситуации, естественной, ситуативной пантомимой. В отечественной психологии были заложены теоретические основы, которые, с одной стороны, преодолевали редуccionизм гипотезы языка жестов, а с другой – создавали фундамент для психоисторического анализа невербальной коммуникации человека.

Тенденции развития невербальной коммуникации запечатлелись в двух формах: 1) выражение в невербальной коммуникации смысла (смысловой позиции) в общении между людьми и 2) выражение в невербальной коммуникации ценностей (ценностно-смысловой позиции) в религиозных ритуалах. Если первое мы можем встретить в произведениях великих художников и др., то выражение ценностей мы находим в религии. Религиозные жесты можно обнаружить в любой религии. Например, древние перуанцы культуры мочика употребляли жест «моча» (протягивание рук) при обращении к идолу, солнцу. Ю. Е. Березкиным этот и другие жесты древних перуанцев были описаны на основе сохранившихся изображений на росписях и на сосудах (Березкин, 1985). Жест обращения к божеству с поднятыми вверх руками часто встречается в разных религиях.

Практически во всех традиционных религиях имеются ритуальные жесты. Наиболее изученной является невербальная коммуникация в христианстве: большое количество жестов запечатлено в иконографии, а обратная перспектива делает их интенциональными, своеобразной энтелехией внутреннего содержания образа. В выдающейся работе представителя «школы анналов» М. Блока «Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии» (Блок, 1998) описан обряд возложения рук королями на больных золотухой, который существовал в Англии и Франции в XIII–XV вв. Например, в 1289–1290 гг. король Англии Эдуард I возложил руки на 1736 больных золотухой, что демонстрирует большую популярность данного обряда в тот период времени. М. Блок считал, что исцеление больных золотухой является составной частью целой психологической системы, основу которой составляли представление о сакральности королевской власти, иррациональность мышления и недостаточная грамотность. В средневековом Западе жестами и клятвами закреплялись социальные отношения, с помощью жестов совершались политические и религиозные властные действия.

Значимость жестов в эпоху Средневековья определялась самим строем жизни, представлениями о мире. Не зная образа мысли тех людей, нельзя понять и смысл их жестов. Так, тенденция развития невербальной коммуникации в выражении ценностей в состоянии молитвы привела к появлению особой категории жестов – ритуализированных, которые являются выражением «выхода», «ухода» человека за рамки ситуации, реальности и также имеют свое историческое развитие. В средневековом христианстве жест воспринимался как телесное выражение тайных движений души, а не как простое средство коммуникации: западные христиане той эпохи вкладывали в жесты всю силу своей веры, все символические ценности, приписывая их социальной страте.

Понять феномен невербальной коммуникации можно, лишь осмыслив те тенденции развития, которые в нем были заложены в определенные эпохи. Для этого необходим транспективный анализ. Его преимущество состоит в том, что это не просто анализ тенденций, но анализ места сосуществования времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения человека как системной организации (Клочко, 2005).

В философии науки В. С. Степиным в 1989 г. была выявлена смена типов научной рациональности по линии «классика-неклассика-постнеклассика» (Степин, 1989). Если в основе классической научной рациональности лежит «аристотелевское» мышление, которое основано на представлении о том, что все качества предмета принадлежат самому предмету, а в основе неклассической рациональности научного познания – «галиллеевское» мышление, основанное на представлении об открытии при взаимодействии противоположностей новых качеств, то в основе постнеклассической методологии находится «транспективное мышление», выделенное В. Е. Клочко на основе представления об «онтологии взаимодействия с ее порождающим эффектом» (Клочко, 2005, с. 43).

Создание транспективного анализа стало следствием развития постнеклассической методологии в психологии. По своим идеям он близок к универсальному эволюционизму и синергетике. В. Е. Клочко выделяет следующие его характеристики: динамичность (темпоральность), тенденциональность, системность и прогностичность (там же).

Транспективный анализ зарождался в рамках историко-системного подхода. В диссертационных исследованиях, выполненных в рамках научной школы В. Е. Клочко, были вскрыты объективные тенденции развития психологической науки на материале

конкретных научных категорий и понятий как усложнение организации науки, представляющей собой открытую самоорганизующуюся систему. В. Е. Ключко выделил основные области применения транспективного анализа в психологии: исследование филогенеза (психоистории), истории науки и онтогенеза, однако в основном его использовали для анализа тенденций развития в теоретической области, изучения становления истории науки: психологического познания (В. Е. Ключко), проблемы стресса в психологии (Т. Г. Бохан), становления психологии жизненного самоосуществления (И. О. Логинова), в качестве модели пиарологии как нелинейной когнитивной системы (И. П. Кужелева-Саган).

Являясь общенаучным методом в постнеклассической науке, транспективный анализ может быть использован в разных областях научного знания. Развитие постнеклассической методологии в гуманитарных науках делает его универсальным методом исследования. Но наиболее перспективной областью его применения, по нашему мнению, является область коммуникации человека. Это вызвано тем, что именно через коммуникацию проявляется «порождающий эффект взаимодействия» в «человекоразмерных» системах. Невербальная коммуникация, отраженная в исторических источниках, является самопредставлением человека в историческом контексте.

К идеям транспективного подхода близка концепция бесконечности общения П. А. Сорокина об общении людей разных эпох, опосредствованном культурными памятниками. Действительно, человек в своей жизни постоянно оставляет знаки памяти (фотографии, знаки отличия и др.). Более того, еще В. М. Бехтерев отметил функцию исторических памятников как посредников взаимодействия и общения между людьми, принадлежащими разным народам и разным эпохам (Бехтерев, 1921).

Таким образом, исследователи коммуникации как у нас в стране, так и за рубежом выходят на понимание системного и транспективного характера невербальной коммуникации человека. Психоисторическое исследование невербальной коммуникации позволяет реконструировать жизненное пространство людей, их ценности, потребности, которые наиболее ярко проявляются в переходные периоды общественного развития. Невербальная коммуникация демонстрирует глубинные сдвиги в менталитете общества, которые могут быть исследованы на примере визуальных, письменных источников, ритуалов, танцевального творчества, систематизированных в психолого-антропологическом направлении (Екинцев, 2018).

В заключение обозначим основные методологические проблемы психологии невербальной коммуникации в историческом контексте.

1. «Натуральная пантомима» является генетически первой формой коммуникации человека, и ее феномен имеет общепсихологическое значение. Современные исследования жестовой коммуникации и «зеркальных нейронов» подтверждают гипотезу возникновения «натуральной пантомимы» в палеолите. С развитием речи жест включился в связь с развитыми формами сознания и деятельности личности, стал обслуживать другую психологическую систему, не превратился в рудимент.
2. Невербальная коммуникация является не только средством передачи информации, но и способом организации наших представлений о себе и окружающем мире, индентификации себя. Она играет важную роль в становлении знаковости, в формировании сознания в период дословесной коммуникации, когда жест неотделим от ситуации, а с развитием речи включается в связь с развитыми формами сознания и деятельности личности. Включение в систему интерпретации и анализа исторического исследования новых источников, отражающих невербальный компонент поведения и коммуникации, является одной из задач исторической психологии.
3. Постнеклассическая методология психологии относит невербальную коммуникацию в историческом контексте к самопредставлению, которое создает «эффект взаимодействия» человека с реальностью.
4. Транспективный анализ позволяет выделить следующие формы невербальной коммуникации: «натуральную пантомиму» в период становления сознания и речи и ее развитие в танцевальном творчестве; изобразительные движения и символические жесты, выражающие смысловую позицию личности; символические ритуальные жесты, выражающие групповые ценности и ценностно-смысловую позицию личности.
5. Транспективный анализ является общенаучным постнеклассическим методом исследования, в его основе лежит «транспективное мышление», становление «человекоразмерных» систем через «порождающий эффект взаимодействия». Он позволяет исследовать становление невербальной коммуникации, выявить тенденции и направленность процесса ее развития и может применяться в исследованиях по истории науки, исторической психологии и психологии развития.

Литература

- Березкин Ю. Е.* Жесты древних перуанцев // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 250–270.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
- Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Бунак В. В.* Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 495–555.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Вундт В.* Основы физиологической психологии: В 16 т. Т. 3. СПб., 1912.
- Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных // Ч. Дарвин. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Екинцев В. И.* Психологическая антропология жеста: транспективный анализ. Чита: ЗабГУ, 2018.
- История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983.
- Клочко Е. В.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005.
- Степин В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
- Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985.